

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья посвящена общему обзору современного состояния памятников археологического наследия в России и проблемам его сохранения. На обширном статистическом материале, собираемом Научным советом по полевым исследованиям Института археологии РАН, выделены узловые проблемы и предложены пути их решения, в том числе с учетом опыта стран Европейского союза. Показаны отсутствие единого перечня археологических памятников России и необходимость составления археологической карты страны. Отмечена неравномерность степени археологической изученности различных территорий России. В целом на современном этапе отмечается абсолютный рост объема спасательных археологических работ по всей стране. Опасные тенденции, проявившиеся в последнее время, связаны с низким профессиональным уровнем организаций, осуществляющих археологические спасательные работы. Автором предлагается усилить экспертный контроль в этой области со стороны профильных научных учреждений Российской академии наук. Со стороны правоохранительных органов следует усилить надзор и ужесточить законодательную базу по отношению к «черным копателям». Делается вывод о том, что дальнейшее расширение археологических работ связано с активностью и профессионализмом региональных органов охраны памятников, в то время как объемы строительства и экономический рост напрямую не влияют на объем спасательных работ.

Ключевые слова: Россия, археологическое наследие, археологическая карта, черная археология, спасательная археология.

При обсуждении проблемы сохранения археологического наследия России в первую очередь встает вопрос о количестве археологических памятников в нашей стране. Вопрос довольно сложный. Во-первых, в Российской Федерации до сих пор нет полной археологической карты. Многие территории практически не обследованы, либо разведки на них велись в недостаточном объеме. Соответственно, полная статистика по количеству объектов археологии в России отсутствует. Во-вторых, археологические объекты, отраженные в документах органов охраны, делятся на две категории: включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ и выявленные объекты археологического наследия. Таким обра-

зом, статистические данные могут довольно сильно отличаться, в зависимости от того, какие категории объектов археологического наследия в них включены.

В ежегодном государственном докладе о состоянии объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в 2011 г. содержатся важные сведения, дающие возможность с известной долей погрешности проанализировать современную ситуацию в деле сохранения объектов археологического наследия¹.

По материалам доклада на территории РФ зарегистрировано 146 427 объектов культурного наследия. Почти 40 % (39,4 % – 57 703) из них представлено объектами археологического наследия (памятники и достопримечательные места). Таким образом,

¹ Данные предоставлены Министерством культуры России.

Регионы Российской Федерации,
в которых доля объектов археологического наследия
превышает 80 % от общего количества объектов культурного наследия

Регион РФ	Доля объектов археологического наследия, %
Ростовская область	85,75
Республика Алтай	88,57
Республика Тыва	91,70
ХМАО (Югра)	92,51
Республика Хакасия	97,34

объекты археологического наследия составляют значительную часть культурного наследия страны. В некоторых регионах более 80 % объектов культурного наследия относятся к археологии (см. таблицу).

Территория некоторых субъектов РФ исследована более подробно, и число учтенных в реестре² объектов археологического наследия в них значительно, в то время как имеются области, где число памятников не превышает и ста. Такая диспропорция (рис. 1) определяется в первую очередь неравномерной археологической изученностью и разными темпами постановки их на государственный учет и включения в реестр. На данном этапе накопления археологических материалов эти сведения не отражают особенностей исторического расселения и освоения отдельных территорий.

Такая неравномерность объемов археологических исследований в различных регионах России определяется разными факторами, в том числе наличием научных центров, степенью географической доступности и др. Существенную роль играет уровень активности и профессионализма региональных органов охраны памятников в их деятельности по охране объектов археологического наследия.

Кроме объектов, включенных в реестр, на учете региональных органов охраны состоит 75 131 выявленный объект археологического наследия, что превышает число включенных в реестр на территории РФ в 1,3 раза. В некоторых регионах этот показа-

тель больше в десять, а иногда и в сто раз. Например, в Ненецком автономном округе включен в реестр один объект, число же выявленных составляет 895, а в Калужской области включено в реестр семь (при числе выявленных 918) и т. д. Как видим, процесс выявления памятников значительно опережает их постановку на государственную охрану, работу по которой, несомненно, следует существенно усилить. Всего же на территории страны насчитывается 132 834 выявленных и внесенных в реестр объектов археологического наследия, т. е. немногим меньше, чем объектов культурного наследия, включая архитектуру.

Общее количество объектов археологического наследия, учтенных органами охраны памятников (выявленных и включенных в реестр), также демонстрирует большую неравномерность. Так, в Орловской области их численность в 6,6 раз ниже (307), чем в соседней Тульской области (2 038), хотя регионы близки по размерам территории и пути исторического развития. Аналогичную картину демонстрирует статистика учета в Тамбовской (65) и Рязанской (2 337) областях (рис. 2). Наибольшее количество объектов археологического наследия зафиксировано в Краснодарском крае, Ростовской и Тверской областях.

В некоторых регионах число памятников, известных по представленным в научных архивах и опубликованным в археологической литературе материалам, существенно превышает число объектов археологического наследия, зарегистрированных государственными органами охраны (как в реестре, так и выявленных). Например, в Московской области они составляют 1 681, а известны по данным «Археологической карты России» 2 810, т. е. более 40 % памятников

² В настоящее время – Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (гл. 4 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ).

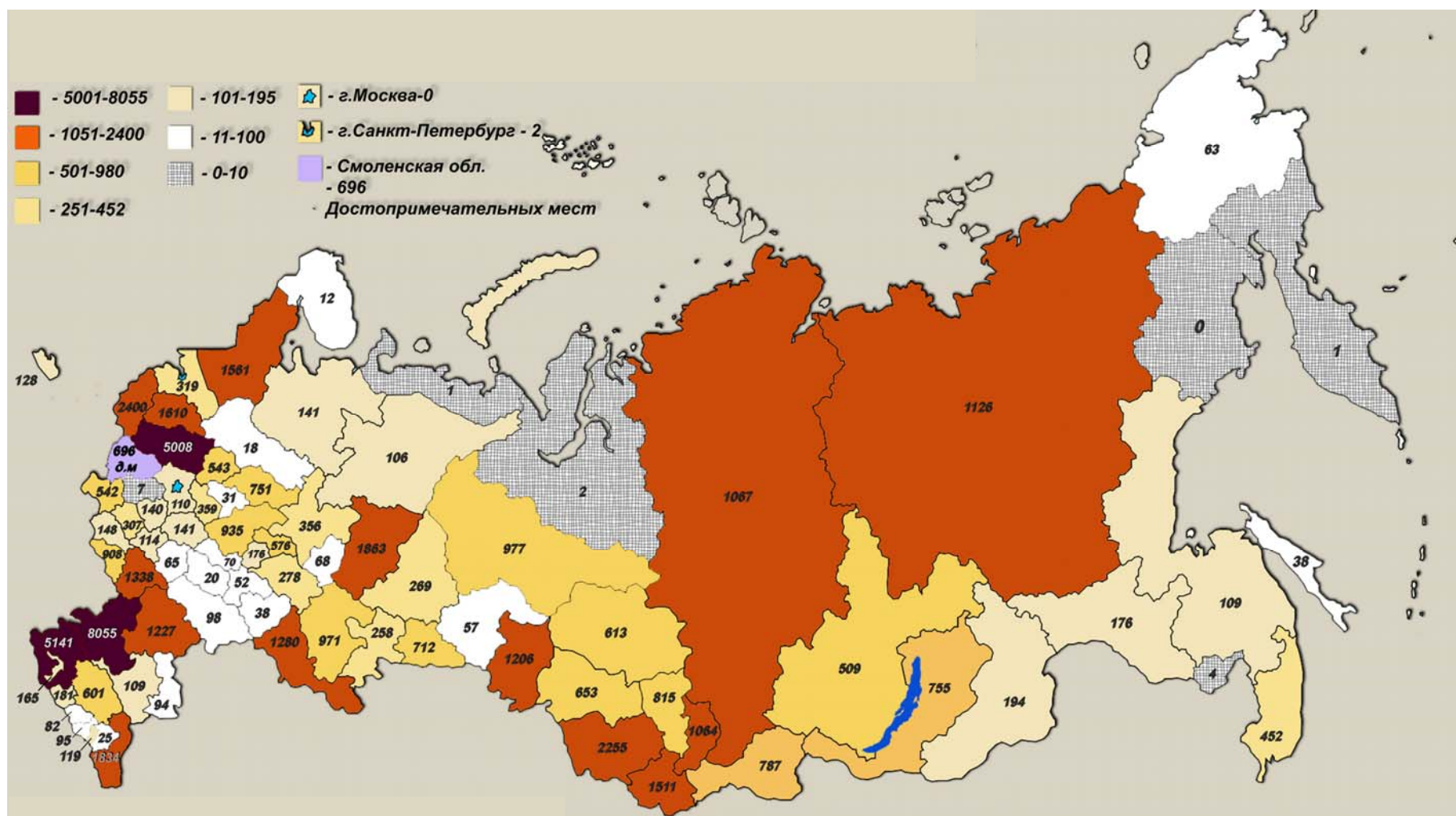

Рис. 1. Количество учтенных в реестре объектов археологического наследия по регионам РФ по состоянию на 2011 г.
(данные предоставлены Минкультуры России)

остались не учтенными органами государственной охраны. В Смоленской области аналогичные показатели составляют 1 630 и 696 соответственно.

В разных регионах объекты археологического наследия могут быть отнесены к различным видам (например, памятники или достопримечательные места). Это обстоятельство говорит об отсутствии единых стандартов в описании и постановке их на учет.

Статистические данные позволяют выделить «области-лидеры» с хорошо работающими органами охраны памятников, где организован учет памятников археологии (выявленных или стоящих в реестре разных уровней) (рис. 2) и где так же стабильно велико количество проводимых спасательных археологических исследований (рис. 3).

Сравнительный состав количества зафиксированных археологических объектов с количеством проводимых археологических полевых работ (в том числе спасательных) в 2011 г. показывает, что в регионах с наибольшей численностью памятников (Краснодарский край, Ростовская и Тверская области) получено больше разрешений (открытых листов) на археологические исследования. И наоборот, в регионах с наименьшим числом памятников (Еврейская автономная область, Пензенская область, Чеченская Республика) количество разрешений (открытых листов) и, соответственно, производимых археологических полевых работ значительно ниже (см. рис. 3).

Статистический анализ данных, предоставленных Научным советом по полевым исследованиям Института археологии РАН, показывает, что общая доля спасательных полевых работ³ среди всех проводимых археологических работ за последнее десятилетие в России ощутимо увеличилась. Так, если в 1999–2001 гг. она составляла в среднем 60 % от всех видов археологических

работ, то в 2008–2011 гг. уже более 70 % (рис. 4)⁴.

За последнее десятилетие Россия по количеству проводимых спасательных археологических работ в процентном соотношении среди всех археологических исследований вплотную приблизилась к аналогичным показателям в европейских странах. Согласно данным Европейской ассоциации археологов (ЕАА), доля таких исследований в Нидерландах составляет около 70 % [Van den Dries, 2011], в Румынии – 76–87 % [Bors, 2011], в Польше – 70–80 % [Filipowicz, 2011].

Следует отметить, что большинство бывших социалистических стран за последние 20 лет прошли тот же путь, что и Россия. Например, в Румынии доля проводимых по научным программам археологических исследований уменьшилась в процентном соотношении: если в 2000 г. она составляла более 90 % от всех работ, то в последние пять лет не более 20 % (рис. 5). В России этот процесс начался раньше, но был более растянут во времени. В 1984 г. в нашей стране из бюджета финансировалось 70 % всех проводимых археологических исследований, а в 2009 всего 26 % (см. рис. 5). Такая тенденция связана, с одной стороны, с сокращением государственного финансирования фундаментальных гуманитарных исследований, а с другой – с ростом в последнее десятилетие объемов строительства и, как следствие, увеличением числа сопутствующих ему археологических проектов.

Общее количество выданных разрешений (открытых листов) в 1995 г. составляло 744, тогда как в 2007 г. (год наивысшего экономического подъема и строительной активности в нашей стране) – 1 524, т. е. выросло почти в 2 раза. Из графика видно (рис. 6), что с 1995 г. количество археологических работ, финансируемых по научным программам (научным темам, грантам и пр.; форма № 1), остается относительно стабильным на протяжении последних десятилетий – от 226 до 242. Рост числа получен-

³ В современном российском Законодательстве (см.: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901820936>) существует только один термин – «спасательные археологические полевые работы». Однако в документах XX в. также употребляются понятия «охранные археологические исследования» или «археологические работы в зонах народнохозяйственного строительства».

⁴ Полученная статистика основана на данных Научного совета по полевым исследованиям ИА РАН о выданных разрешениях (открытых листах). В этих цифрах есть известная погрешность, поскольку в ряде случаев по одному разрешению (открытому листу) проводятся изыскания на целой серии объектов, некоторые разрешения (открытые листы) возвращаются, и работы по ним не ведутся, и т. д.

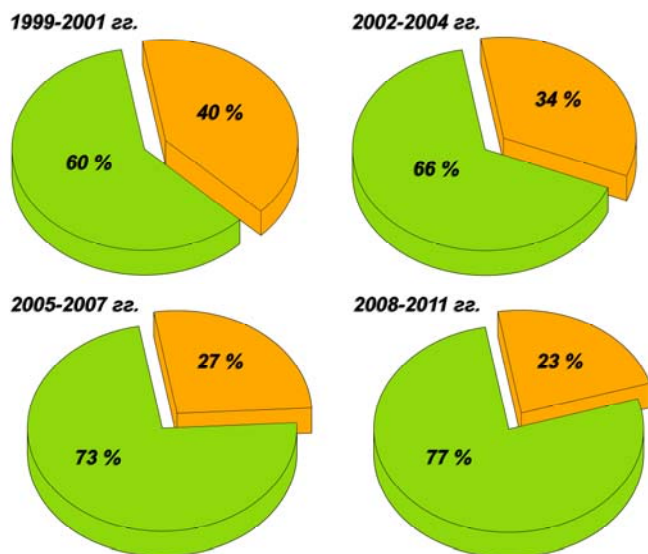

Рис. 4. Доля спасательных исследований в общем количестве археологических работ в 1999–2011 гг. в РФ

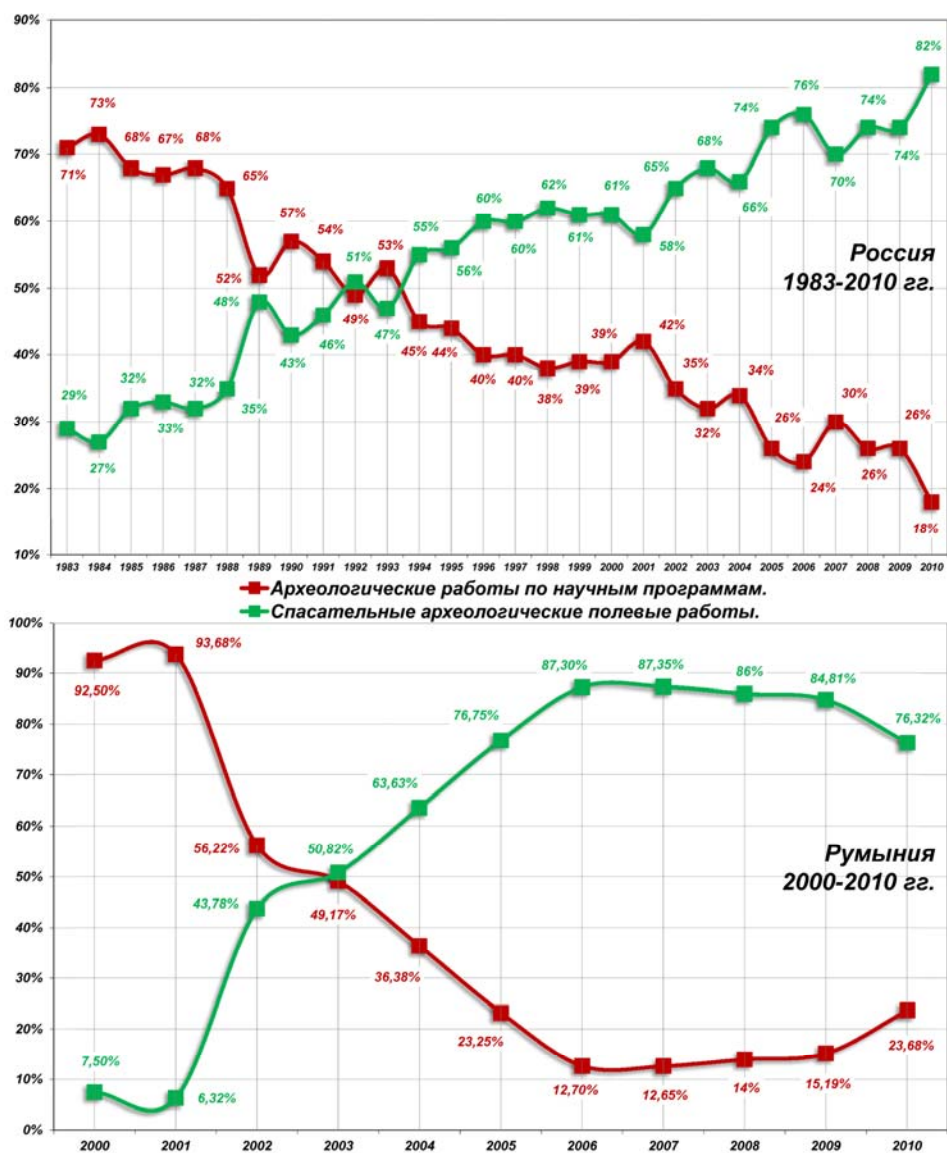

Рис. 5. Динамика доли спасательных исследований в общем количестве археологических работ в России и Румынии

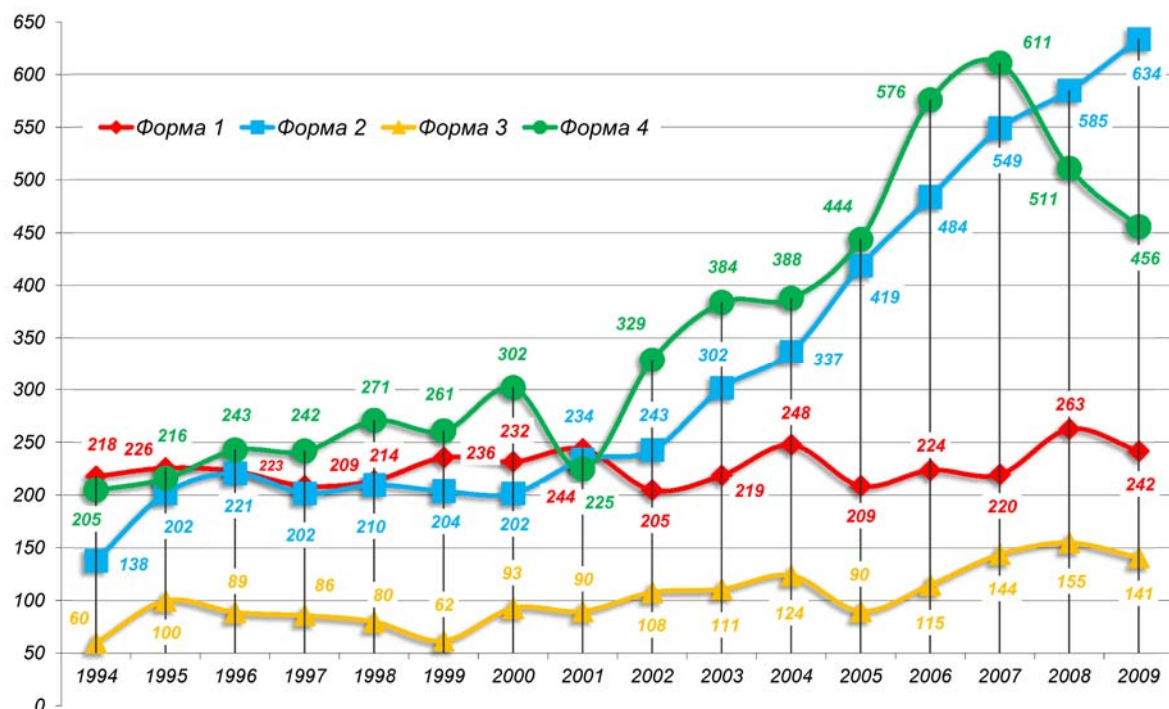

Рис. 6. Количество разрешений (открытых листов), выданных на проведение археологических исследований в 1994–2011 гг. (по формам)

ных за последние десятилетия разрешений (открытых листов) происходит в основном за счет увеличения объемов работ, связанных с новостройками.

В 1995 г. было выдано 216 разрешений (открытых листов) на спасательные раскопки (форма № 4), а в 2007 г. – уже 611. Быстро росло и число разрешений на археологические исследования (разведки), связанные со строительными работами (см. рис. 6). То, что количество проводимых спасательных археологических полевых работ напрямую связано с экономическим положением в стране, ярко показал анализ ситуации в европейских странах [Report on the situation..., 1999]. Характерна такая ситуация и для современной России [Engovatova, 2010].

По результатам анализа данных количества полученных разрешений (открытых листов) на производство спасательных археологических работ для каждого субъекта РФ хорошо видно, где проводится наибольшее число спасательных археологических полевых работ в разные годы (см. рис. 3, 7).

Логично было бы предположить корреляцию числа спасательных исследований

с объемом строительной активности в регионе, однако это справедливо лишь отчасти. Показательно, что первое место по числу проводимых спасательных исследований на протяжении многих лет занимает Тверская область (см. рис. 3, 7), не входящая в 30 наиболее успешных в сфере строительства регионов. Стабильно велико количество спасательных работ в Иркутской и Нижегородской областях. С другой стороны, существуют субъекты РФ, где число этих исследований незначительно, несмотря на большие темпы строительства (например, Калужская область).

Анализ приведенных данных показывает, что решающее значение для возможности осуществления деятельности по охране археологических объектов и проведению спасательных мероприятий имеют, без сомнения, активность и профессионализм региональных органов охраны памятников. Согласно действующему законодательству, именно от них, а не от археологов зависит окончательное решение судьбы объектов культурного наследия, имеющих значение с точки зрения археологии (необходимость проведения спасательных работ, требования

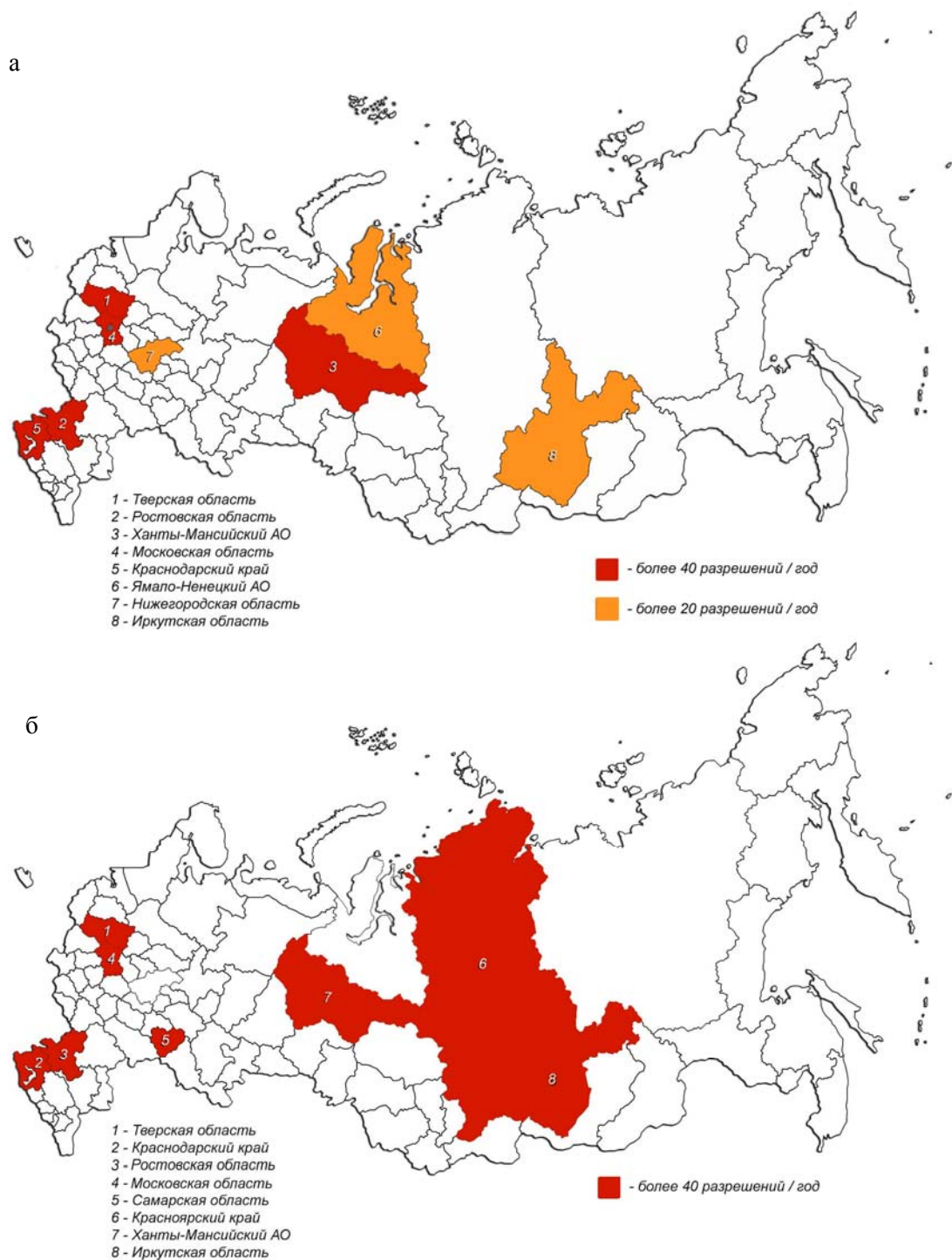

Рис. 7. Регионы РФ, получившие наибольшее количество разрешений (открытых листов) на проведение спасательных археологических работ: а – 2006–2008 гг.; б – 2009–2011 гг.

к изменениям строительных проектов и формы сохранения объектов археологии).

Влияние на количество проводимых спасательных работ оказывает также экономическое развитие региона, но только при ре-

ально работающей системе охраны памятников. Особенно показательны в этом отношении Московская и Ростовская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край.

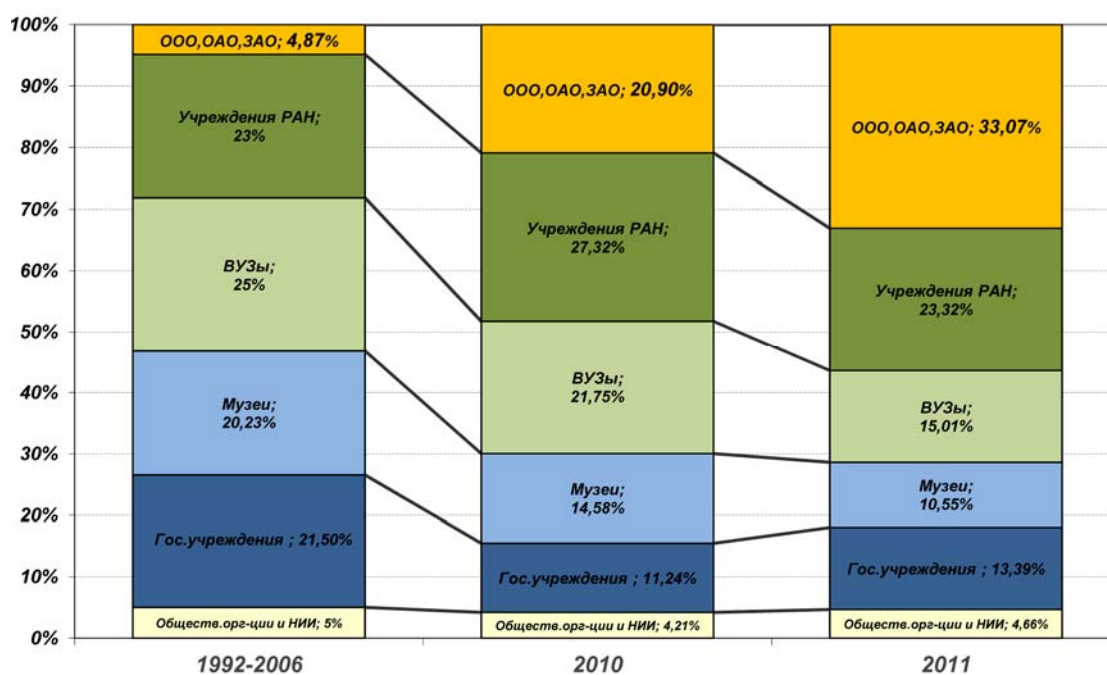

Рис. 8. Процентный состав организаций, выполнявших спасательные археологические исследования в РФ в 1992–2011 гг.

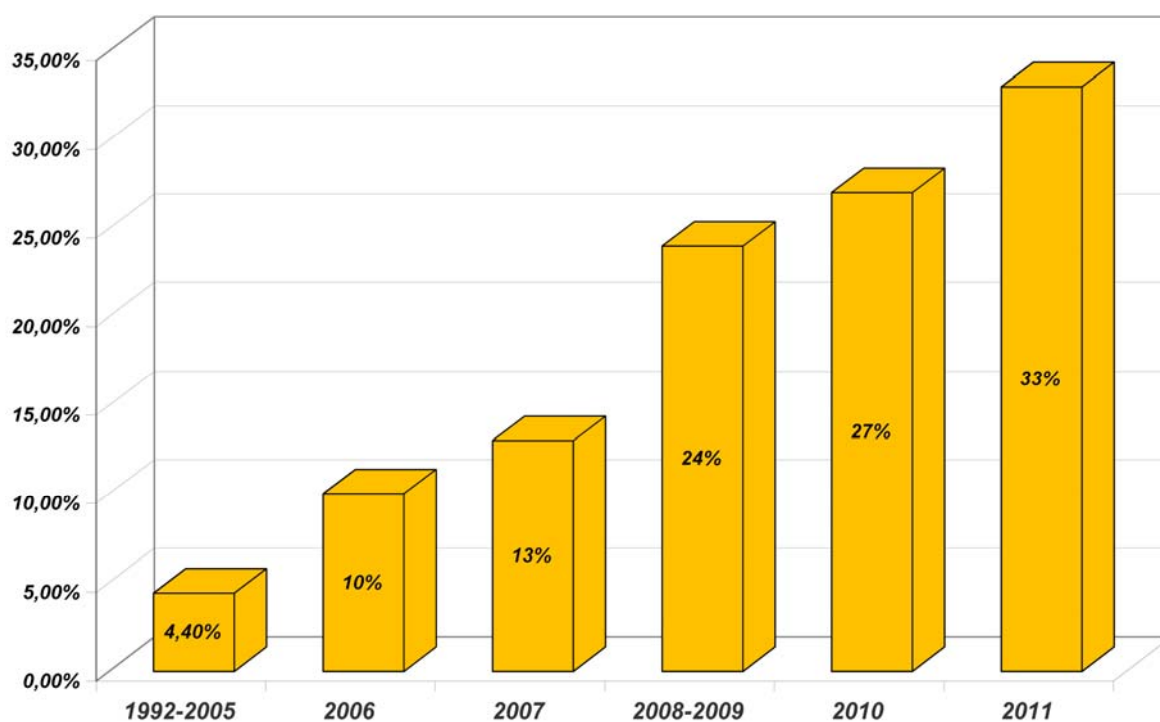

Рис. 9. Доля археологических работ, проводимых негосударственными организациями в РФ в 1992–2011 гг.

Кто проводит спасательные работы в России в последние 10 лет, и какая роль в этом процессе отведена академическим институтам? В 1990-е гг. основными организациями, участвовавшими в проведении спасательных работ, были институты РАН, вузы, музеи, НПЦ при органах охраны памятников (рис. 8). Появившиеся в тот период негосударственные организации не играли заметной роли (менее 5 % от всех работ) (см. рис. 6). Основная тенденция, которая четко прослеживается в течение последних двух десятилетий – существенный рост доли негосударственных фирм, занимающихся спасательной археологией. Динамика хорошо видна при анализе статистики выдачи разрешений (открытых листов) на проведение спасательных археологических полевых работ. С 2006 по 2011 г. доля негосударственных организаций, получивших разрешения (открытые листы), выросла более чем в 3 раза (с 10 до 33 %) (рис. 9).

С чем связан бурный рост количества негосударственных организаций, проводящих археологические спасательные исследования в России? Такая динамика во многом обусловлена принятой в последнее время системой налогообложения. Либерализация экономики в стране привела к принятию ряда законов, стимулирующих развитие негосударственных малых предприятий. Среди них – закон о льготном налогообложении для негосударственных субъектов малого и среднего бизнеса (104-ФЗ). В России введена также Упрощенная система налогообложения (УСН) – специальный льготный налоговый режим, направленный на снижение налоговой нагрузки, облегчение и упрощение налогового и бухгалтерского учета для малых предприятий.

Для государственных же организаций (учреждения РАН, музеи, вузы) каких-либо льгот в налогообложении, аналогичных льготам для малого бизнеса, не предусмотрено. В настоящее время государственные учреждения науки и частные предприятия оказались в абсолютно неравном положении с точки зрения налогообложения, а также правил налогового и бухгалтерского учета. Внутри бюджетных организаций существенно усложнил работу федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных муниципальных нужд». Обязательным стало

проведение тендеров (конкурсов) для нужд государственных научных учреждений (музеев, вузов, учреждений РАН), а также тендеров на производство (в том числе спасательных археологических работ) со стороны крупных государственных заказчиков.

В результате действия этого закона почти единственным аргументом в пользу выбора организации, которая будет проводить археологические исследования, является цена. Многим негосударственным организациям легче уменьшить стоимость работ за счет льгот в налогообложении, став благодаря этому более конкурентоспособными. Льготное налогообложение сделало более привлекательным как для исполнителей, так и заказчиков спасательных археологических полевых работ оплату через негосударственные организации.

Как показала практика, негосударственные организации делятся на две группы. Первую составляют фирмы, созданные профессионалами-археологами с целью облегчения ведения экономической деятельности. Качество работ этих организаций соответствует всем требованиям археологической науки. Вторая группа негосударственных организаций изначально ставила своей целью только коммерческую, а не научную деятельность, причем многие из них и были созданы исключительно для оказания посреднических услуг. В результате невысокая цена на выполнение археологических работ, устанавливаемая ими на конкурсах, соответствует низкому уровню квалификации исполнителей, согласившихся на нее (очень часто это не профессиональные в области археологии люди). Как результат – резкое снижение качества проводимых ими работ, которые уже привели к уничтожению отдельных памятников археологии и вызвали целый ряд скандалов и судебных исков. Случаи, когда работы проводились крайне небрежно или вообще были «имитированы», широко обсуждаются в СМИ [Беловранин, 2012]. Из-за активной непрофессиональной деятельности подобных организаций тень может упасть на всех археологов, проводящих спасательные работы.

Как же все-таки относиться к такой тенденции, как рост числа негосударственных археологических организаций? С одной стороны, большое количество таких структур в спасательной археологии характерно для

некоторых стран Европы (Польша, Великобритания). С другой – многие негативные результаты, проистекающие от подобной коммерциализации науки, европейские археологи активно критикуют. В программной статье основателя французского Института превентивной археологии (INRAP) – специализированной государственной археологической организации для проведения спасательных разведок и раскопок – Ж.-П. Демуля четко определяется проблема несоответствия формы «частной» археологии научным целям [Demoule, 2007; 2010].

Ж.-П. Демуль описывает два пути развития превентивной (спасательной) археологии: «американский» (с подавляющим преобладанием частных фирм) и «французский» (с большой долей государственных учреждений в производстве спасательных работ). Россия в последние годы все отчетливее идет по «американскому» пути, хотя экономические и социальные условия двух стран резко отличаются.

Показательные данные в докладе «Археологическая профессия в современной Польше» приводит П. Филиппович из Университета Адама Мицкевича [Filipowicz, 2011]. Подряд на производство спасательных раскопок на трассе крупной строящейся автодороги получили несколько организаций. Более половины работ выполнили негосударственные коммерческие фирмы, примерно по 10 % – университеты и учреждения Польской академии наук, археологические и региональные музеи. Полевые ра-

боты проводили все организации (рис. 10). А вот научные публикации результатов исследований в полном объеме подготовили лишь археологи из университетов и академических учреждений, специалисты коммерческих фирм опубликовали не более 8 % полученных в результате раскопок материалов, что, конечно, является крайне низким показателем (см. рис. 10).

Следует напомнить, что в Польше, как и во многих европейских странах, обязательный отчет о выполненных археологических работах может быть небольшим и достаточно формальным. Поэтому, собственно, оценить научное качество проведенных спасательных археологических работ и их результаты можно только по опубликованным полевым изысканиям. Научная публикация – тот итог, ради которого, во многом, и проводятся раскопки. Приведа эти данные, П. Филиппович задает риторический вопрос: «А зачем тогда вообще нужны раскопки, проводимые коммерческими фирмами?» Ответ на него может быть лишь отрицательным: они не нужны. Подобные «исследования» не выполняют основной задачи – получения полноценной научной информации и введения ее в научный оборот. Дискуссия в Европе продолжается. Обществу и ученым в России тоже пора спросить: «Для чего проводятся раскопки, если из них не извлекается качественная научная информация? Для чего общество тратит большие деньги на производство ненаучных, по сути, работ?»

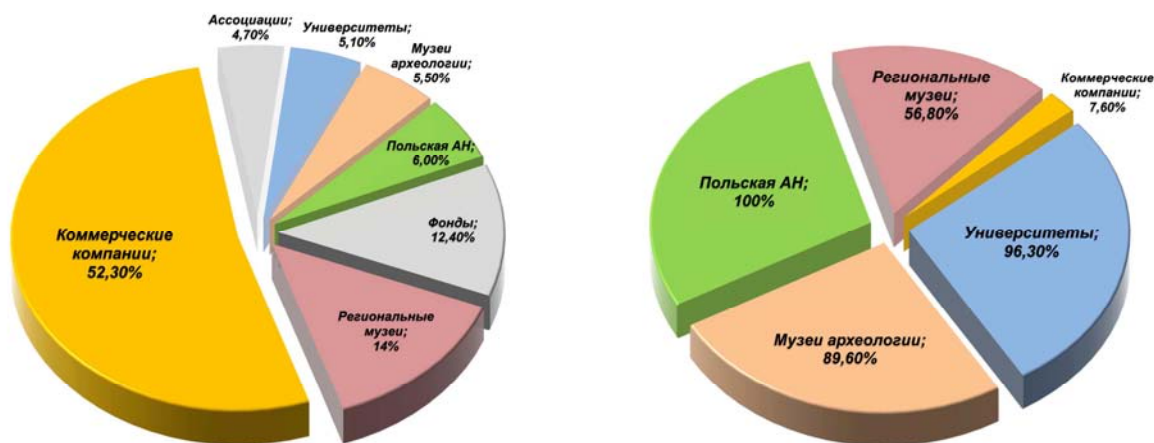

Рис. 10. Состав организаций, проводивших спасательные раскопки при строительстве дорог в Польше в 2009 г., и доля опубликованных научных материалов

В последние годы предпринимаются попытки обвинить самих археологов в коммерциализации науки. Постоянно приходится слышать о том, что в современной охранной археологии экономические интересы учреждений становятся более весомыми, чем стремление к сохранению памятников и накоплению исторических материалов, получение новой научной информации и ее анализ.

В тех случаях, когда освоение земельного участка идет с обязательным этапом проектирования, например при строительстве автомобильных и железных дорог, газопроводов и т. п., есть возможность еще на стадии проекта провести разведочные работы, спланировать трассы в обход объектов археологического наследия. В последние десятилетия эта практика широко используется отделом охранных раскопок ИА РАН как действенный метод сохранения археологических объектов [Энговатова, 2009], многие из которых благодаря предваряющему проектированию удалось спасти.

Показательно, что даже в процессе проектирования такого сложного объекта, как Чебоксарская ГЭС были приняты предложения археологов об обустройстве специальных дамб для защиты особо значимых и крупных археологических памятников. Внесены также изменения в проект трассы автодороги к олимпийским объектам в г. Сочи. Найденный каменный византийский храм у с. Веселое в Имеретинской низменности не только сохранен *in situ*, но и разработан проект его музеефикации [Армарчук, Мимоход, 2012]. Нельзя не отметить, что многое в этом процессе фактически зависит от доброй воли проектировщиков, которые не всегда легко соглашаются на переделку удобных по другим показателям проектов.

К сожалению, в последние годы из-за нехватки средств в бюджетных проектах на археологических работах стали экономить. В результате, вместо разработки полноценного раздела в составе проекта строительства проектировщики зачастую ограничиваются историко-архивной справкой, полученной от государственных органов охраны памятников. Это еще один негативный результат коммерциализации проектных работ. Системное решение вопросов физического сохранения объектов археологического наследия при масштабном строительстве возможно лишь при условии изменения на законодательном уровне подходов к самому механизму принятия решения, как проекти-

ровщиками, так и органами охраны памятников.

Подводя краткие итоги, можно констатировать, что в Российской Федерации сложилась система спасательной археологии, в которой на протяжении последних двух веков большую роль играла наука. В XXI в., даже с приходом рыночных отношений, значение академических институтов по-прежнему остается стабильно высоким. На графике объемов спасательных работ последних лет можно увидеть, что выполняемые ими работы составляют около четверти от всех исследований (см. рис. 8). Существенным плюсом спасательной археологии в России остается ее тесная связь с академической наукой. На территории всей нашей страны действует выработанная поколениями археологов общая система научной регламентации при изучении памятников археологии (получение разрешения на проведение археологических исследований, изучение памятников по единым для всех методикам и обязательная отчетность по единой форме). Эти нормы действуют также и в отношении спасательной археологии. Каких-либо специальных, «облегченных» методик для спасательных раскопок не существует. В последние годы делались попытки введения системы наблюдений или надзора как особой методики спасательных работ, но она признана возможной только для исследований техногенных или перемешанных отложений [Положение о порядке проведения..., 2010].

Обязательное предоставление научного отчета в Научный совет по полевым исследованиям с целью последующего хранения в составе Архивного фонда России делает доступной для научного сообщества информацию обо всех проводимых в стране раскопках и разведках. К сожалению, процент опубликованных материалов ничтожно мал, поэтому в настоящее время все актуальнее звучит предложение о необходимости электронной публикации отчетов. Особенно это оправдано для полностью исследованных раскопками объектов – для них пропадает угроза разграбления после появления информации о памятнике в открытой печати.

Анализ сложившейся ситуации показал, что для сохранения археологического наследия России необходимы дальнейшие исследования территории нашей страны с целью выявления и уточнения сведений об объектах археологического наследия. Одним из инструментов сохранения архео-

логического наследия может стать продолжение издания «Археологической карты России» с выводом ее на новый уровень.

Научная программа «Археологическая карта России» (АКР) реализуется с 1991 г. Ей предшествовала работа над составлением «Свода памятников истории и культуры народов России», где были заложены принципы публикации археологических материалов в серийных научно-справочных изданиях энциклопедического характера. В «Археологической карте России» впервые в сжатой форме представлены важнейшие сведения обо всех выявленных археологических памятниках. Археологическому наследию, известному на территории каждого субъекта РФ, посвящается отдельный выпуск, который может состоять из нескольких книг. С 1992 по 2012 г. вышли из печати 28 томов серии АКР по Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской областям, в которых представлена информация о 23 033 памятниках археологии.

Подготовка «Археологической карты России» – существенная часть работы по инвентаризации археологического наследия. Это важный инструмент создания источниковедческой базы для дальнейшего изучения памятников археологии и деятельности по охране и использованию археологического наследия. Однако сведения, содержащиеся в АКР, должны быть доступны только специалистам-археологам и сотрудникам органов охраны – особенно сведения о точной локализации археологических объектов. Это связано с опасностью разрушения памятников грабителями. На практике придание «Археологической карте» (или ее отдельным пунктам) статуса «для служебного пользования» смогло бы существенно улучшить ситуацию, ограничив возможность ее получения «черными копателями».

Грабительские раскопки являются одним из существенных факторов уничтожения объектов археологического наследия России. Важно отметить, что даже незначительные повреждения памятников, производимые «черными копателями», могут расцениваться как нанесение серьезного урона научному потенциалу памятника. «Черные копатели» охотятся за отдельными эффектными предметами, как правило, бронзовыми, серебряными или золотыми, игнорируя контекст их локализации. Подобные грабительские «изъятия» лишают

объекты связанного с ними объема научной информации, которую возможно получить лишь при документированном научном исследовании памятника. Хотя культурный слой памятника может быть поврежден на не столь уж значительной площади, грабительские изъятия артефактов можно рассматривать как порчу или фальсификацию всего исторического источника, которым является объект археологического наследия. Выпавшие из научного оборота предметы при квалифицированном археологическом документировании могли бы дать информацию, позволяющую реконструировать историю населения, жившего на памятнике, в том числе и этническую. Страшные примеры таких «упущенных возможностей» связаны с уничтожением памятников Руси раннего Средневековья. Для подобных объектов отсутствие предметов, являющихся этническими маркерами, может исказить картину исторического прошлого, реконструируемую историками и археологами, и в итоге приведет к фальсификации базовых, решающих для существования Российского государства исторических выводов.

Многочисленные следы грабительских разрытий зафиксированы сотрудниками Института археологии РАН на средневековых селищах Ивановской области⁵ (Гаврилово-Посадский район, северная часть Суздальского Ополя), где, судя по официальной статистике, разрушений археологических памятников грабителями не зафиксировано. По данным археологов, ведущих полевые работы в Вологодской области (С. Д. Захаров), продолжают несанкционированные раскопки могильников и поселений в западной части этого региона, а также в районе Белого озера и на Шексне. По официальной статистике, ситуация в этом регионе также благополучная (рис. 11). Следы грабительских раскопок зафиксированы сотрудниками археологических учреждений РАН во многих регионах, где, согласно отчетным материалам органов охраны памятников, факты расхищения археологического наследия или следы нелегальных земляных работ на объектах наследия не были отмечены. Так, по данным, представленным органами охраны памятников, около половины субъектов РФ либо не имеют сведений о грабительских раскопках

⁵ Данные предоставлены сотрудниками Суздальской экспедиции ИА РАН.

на их территории в 2011 г. (в графе указано «нет данных»), либо эти работы не зафиксированы (в графе указан «0») (см. рис. 11). Таким образом, есть основания считать, что реальные масштабы расхищения археологического наследия в России значительно шире, чем можно предположить, основываясь на официальных материалах. В связи с этим важно отметить недопустимость рекламирования в СМИ грабежа археологических памятников при помощи металлодетекторов.

Учитывая все вышеизложенное, следует существенно усилить внимание к проблеме и разработать систему противодействия варварскому разрушению археологических объектов России, включающую как административный, так и финансовый механизмы. Необходимы совместные усилия региональных органов охраны памятников и Министерства культуры РФ, а также научной и культурной общественности и правоохранительных органов.

Список литературы

- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А. Новоявленный христианский храм X–XI веков на территории России // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. 380 с.
- Беловранин А. Археологический гешефт // «Новая газета» в Санкт-Петербурге. 2012. № 35. URL: <http://www.novayagazeta.spb.ru/2012/35/4>
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составление научной отчетной документации / Ин-т археологии РАН. М., 2010. 36 с.
- Энговатова А. В. Современные тенденции в спасательной археологии Подмосквья (вместо предисловия) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: Изд-во ИА РАН, 2009. Вып. 5. С. 11–22.
- Bors C. Lost in Transition: the Archaeologist in Contemporary Romania // Abstract. 17th Annual Meeting. Oslo, 2011. P. 23–25.
- Demoule J.-P. Scientific Quality Control and the General Organization of French Archaeology // Quality Management in Archaeology / Eds. W. J. H. Willems, M. H. van den Dries. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 135–147.
- Demoule J.-P. The Crisis – Economic, Ideological, and Archaeological // Archaeology and the Global Economic Crisis Multiple Impacts, Possible Solutions. / Eds. N. Schlanger, K. Aitchison. P.: Culture Lab Editions, 2010. P. 13–18.
- Engovatova A. V. The Impact of the Economic Crisis on Rescue Archaeology in Russia // Archaeology and the Global Economic Crisis Multiple Impacts, Possible Solutions. P., 2010. P. 97–102.
- Filipowicz P. Archaeological Profession in Contemporary Poland // Abstract. 17th Annual Meeting. Oslo, 2011. P. 25–34.
- Report on the Situation of Urban Archaeology in Europe. Germany, Council of Europe Publishing, 1999. 249 p.
- Van den Dries M. Recent Developments in the Archaeological Profession in the Netherlands // Abstract. 17th Annual Meeting. Oslo, 2011. P. 54–60.

Материал поступил в редколлегию 09.01.2013

A. V. Engovatova

THE PRESERVATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN RUSSIA. PRESENT SITUATION

The author undertakes the examination of the present situation of the archeological heritage in Russia, current problems of it preservation. The statistics data of the Scientific Council for Field Researches of the Institute Archeology of the Russian Academy of Science is used in this issue. Based on these materials the author marked out the focal points and problems and suggested the ways of their solution, including the experience of the European Council countries. The author demonstrates that there is no unitary list of the archaeological objects in Russia and notes the positive influence of the Archeological map of Russia. The statistics data documents inequality exploration of the different regions. In tote there is absolute salvage work growth around the country. The dangerous tendencies in these processes are connected with decline the professional standards in the organizations, performed the archaeological salvage works. The author suggests keep a closer watch for these organizations and invited experts from institutes of the Russian Academy of Science. The author argues that the broadening archaeological field works is connected with activity of the regional administration, while the volume of building and economic growth are not the primary factors.

Keywords: Russia, archaeological heritage, archaeological map, black archaeology, salvage archaeology.